

ing]. Novosibirsk, 1991. (In Russian).

Селеева Цаган Бадмаевна, Калмыцкий научный центр РАН.

Кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела монгольской филологии. Научные интересы: фольклористика, этнография монгольских народов, эпосоведение, эпос монгольских народов (сравнительно-типологические исследования, поэтика и стилистика).

E-mail: tsagana007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3285-3038

Tsagan B. Seleeva, Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Candidate of Philology, Researcher at the Department of Mongolian philology. Research interests: folklore, ethnography of Mongolian peoples, epic literature, the epic of Mongolian peoples (comparative typological studies, poetics and stylistics).

E-mail: tsagana007@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3285-3038

DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00032

Д.В. Убушиева (Элиста)

РЫБОЛОВСТВО В ФОЛЬКЛОРЕ КАЛМЫКОВ И НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ*

Аннотация. Фольклорный нарратив, сохранивший следы рыболовства, свидетельствует о том, что калмыки издревле были знакомы с рыбной ловлей. Архаические коды, свидетельствующие о древних представлениях картины мира ойратов – предков калмыков, отражают как локальные, так и межкультурные связи с трансграничными регионами. Эпос «Джангар» и калмыцкие мифы, сохранившие такие основные концепты, как рыба и вода, отражают картину мира калмыков еще со времен «лесных народов». В жанре сказки нами рассмотрены образцы, записанные от представителей астраханских и донских калмыков, проживавших по берегам рек Волги и Дона во второй половине XIX в. Отдельные тексты сказок настолько реалистично представляют рыболовство калмыков, что наталкивают на мысль о том, что неизвестный сказитель сам мог быть рыбаком, что проявляется в тонких иносказательных выражениях, включенных в канву сказочного сюжета. Сказочный нарратив отражает реалии калмыцкого рыболовства, зафиксированные в виде названий рыб, орудий лова, видов рыболовства, специфической лексики (мелководье, отлив, приманка и др.), а также предпочтений в пище в субэтнических группах калмыков. У калмыков существует и промысловая обрядность, сохранившаяся в заговорах, магических формулах, поверьях, приметах. Ярким примером является обряд жертвоприношения царю воды, бытовавший у приволжских и прикаспийских калмыков. Фольклор калмыков содержит прямые и косвенные свидетельства о рыболовстве, которое в зависимости от исторического времени было как одним из основных видов пропитания, так и вспомогательным хозяйствованием.

Ключевые слова: рыболовство в фольклоре калмыков; реалии; трансграничное и межкультурное взаимодействие; картина мира.

D.V. Ubushieva (Elista)

Fishery in the Folklore Traditions of the Kalmyks and Peoples of Southern Siberia**

Abstract. Kalmyk folklore narratives contain traces of fishery practices, which attest to the fact that the people had been familiar with them since ancient times. The

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное ингердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

** The study was carried out with the financial support of a grant in the form of a grant from the federal budget allocated to State support for scientific research led by a leading scientist (project “From Paleogenetics to Cultural Anthropology: a Comprehensive Inter-Disciplinary Study of Traditions of Peoples of Transboundary Regions: Migration, Intercultural Interaction and a Picture of the World”).

archaic codes mirroring historical worldview concepts of the Oirats, the Kalmyks' ancestors, represent both local and cross-cultural ties within the cross-border regions. The *Jangar* epic and Kalmyk myths managed to preserve such concepts as 'fish' and 'water' and manifest the national worldview since the era when the ethnos had been clustered with the 'forest peoples'. The paper analyzes a number of mid-to-late 19th-century fairy tale texts recorded from the Astrakhan and Don Kalmyks to have inhabited the Volga and Don valleys respectively. Some of the texts depict the Kalmyk fishery practices in such detail which seeds the idea that the anonymous tale-teller could have been a professional fisherman, the latter being evident from most delicate figurative phrases within the fairy-tale framework. The fairy-tale narrative describes the Kalmyk fishery realia through the names of fish species, fishing gear and techniques, specific lexemes ('shallow water', 'low tide', 'squid', etc.), food preferences of certain Kalmyk sub-ethnic groups. The Kalmyks have retained fishery rites in the forms of spells, magic formulas, beliefs and superstitious signs. A vivid example is the offering to the 'king of waters' once administered by the Volga and Caspian Kalmyks. The Kalmyk folklore contains direct and indirect evidence of fishery practices that in course of time would serve either as a key source of livelihood or an auxiliary one.

Key words: fishery in the Kalmyk folklore; realia; cross-border and cross-cultural interaction; worldview.

Рыбная ловля в хозяйствовании калмыков и их предков ойратов в целом делится на несколько этапов. Первый этап, как и первые исторические сведения о рыбной ловле, соотносимы с временами «лесных народов» – до XIII в.: «...ойраты в дачинговскую эпоху относились к “лесным народам” и, прежде чем стать скотоводами, долгое время были охотниками-звероловами, но в то же время “не гнушались и рыболовством”» [Санчиров 2003, 204]. К «лесным народам», по данным «Тайной истории монголов», относились следующие племена: ойраты, буряты, бархуны (баргуты), урсуну (урсуты), хабханасы, ханхасы, тубасы, хори-туматы [Санчиров 2003, 204]. Второй этап соотносим со временем вхождения ойратов в состав Монгольской империи: «К XIII веку по образу жизни и хозяйству “лесные народы” разделились на две группы: 1) охотничье-рыболовческую, то есть собственно “лесную” и 2) скотоводческо-земледельческую <...> для которой характерно синтетическое, комплексное хозяйство – примитивное земледелие с развивающимся скотоводством, в сочетании с охотой и рыболовством, которые еще играли значительную роль в пищевом балансе...» [Санчиров 2003, 204–205]. Сведения о рыболовстве в период с XIII по начало XVIII в. не освещались в исторических источниках об ойратах, в большей степени в работах ученых отражены политическая история и отчасти культурные традиции, хозяйство характеризовалось в целом как скотоводческое. Следующий этап соотносим с периодом кочевков калмыков в бассейнах рек Яик и Волга. Это время характеризуется конфликтом интересов. Местное население не было заинтересовано в расширении рыбной ловли среди калмыков, что отразилось в исторических документах. Поступали жалобы от владельцев рыбных промыслов, происходили

столкновения с местным населением, администрация также не приветствовала развитие рыболовецкого хозяйства среди калмыков. Вследствие этого «в 1705 г. хан Аюка доводил до сведения правительства, что издавна его подвластные ловили рыбу в Яике и Волге, а в последнее время ввели местные жители и власти ограничения и прямые запрещения: “то де по всему знатно, что около Яику и около Волги и кочевать нам отказывают”, – заключал хан свое послание» [Батмаев 1993, 133].

Развитие калмыцкого рыбного хозяйства со второй четверти XVIII в. можно выделить в отдельный этап, характеризующийся вынужденным переходом калмыков на промысловое хозяйствование. М.М. Батмаев отмечает следующее: «...после смерти хана Аюки периодически вспыхивали затяжные междоусобицы в среде феодальной знати, группировки которой втягивались в борьбу многочисленных потомков покойного за ханскую власть. Междоусобицы, периодические массовые падежи скота из-за неблагоприятных погодных условий и эпизоотий вели к обнищанию значительных масс калмыков, искавших спасения в пропитании рыбой» [Батмаев 1993, 133]. Правительство России, как и местная администрация, в этот период издавало указы, регулирующие процессы рыболовства у калмыков, однако «они в конечном счете ограждали интересы владельцев откупных вод, рыбных промыслов и казны» [Батмаев 1993, 135]. Таким образом, с одной стороны, калмыцкий рыбный промысел расширялся («калмыки ловят частиковую рыбу разных сортов сетями, бреднями, волокушами и удочками <...> калмыки не ограничивались ловом рыбы для непосредственного питания, но занимались солнением и сушкой ее впрок, а также продажей излишков...» [Батмаев 1993, 134]), а с другой стороны, это расширение касалось только рыболовства по найму, частного рыболовства калмыков оно не касалось.

Рыбная ловля тувинцев демонстрирует такое же расслоение общества того периода, о чем писал С.И. Вайнштейн: «Малоимущие степные и таежные скотоводы, испытывая недостаток в пище, нередко восполняли его рыбной ловлей» [Вайнштейн 1972, 216]. Рыболовство в Горном Алтае имеет древнее происхождение, как отмечено А.П. Потаповым: «Значение рыболовства подчеркивается обычаем челканцев и тубаларов, зафиксированным преданием, давать в качестве калыма непременно лодку и рыболовную сеть длиной в одну сажень» [Потапов 1953, 123]. В.И. Соёнов, проведя междисциплинарное исследование, приходит к выводу: «Наличие рыболовства подтверждается этнографическими, фольклорными, лингвистическими и документальными данными, находками в культурных слоях поселений и в погребениях остатков ихтиофауны и рыболовных принадлежностей, а также находками в них изделий из костей рыб и изображений плавучего средства и рыб, выполненных древними мастерами» [Соёнов 2001, 25]. М.Н. Хангалов констатирует относительно бурятского рыболовства следующее: «...прежние буряты были рыболовами; без рыболовства прежнему буряту в известное время прожить было бы трудно. Поэтому в определенное время года он занимался рыболовством и мясом пойманных

рыб питался. <...> Рыба являлась одним из главных видов пищи и предметом поклонения» [Хангалов 2004, 101].

В целом же рыбная ловля имела вспомогательное значение в хозяйствовании и имела локальный субэтнический характер распространения, что отражено в фольклоре калмыков и народов Южной Сибири.

Отражение рыболовства и рыболовецкого промысла в фольклоре калмыков остается малоисследованной темой. Фольклор же, на наш взгляд, иллюстрирует отношение калмыков к охоте и рыболовству с того периода, когда предки калмыков ойраты являлись еще «лесным народом», и до реального времени. Калмыцкий эпос «Джангар», сказки, малые жанры фольклора содержат как рудименты архаических анимистических представлений о рыбе и в целом о Водном мире, так и реальную специфическую терминологию. Это наименования рыб, названия рыболовецких снастей и плавучих средств, которые схожи с аналогичными категориями народов Южной Сибири – алтайцев, бурят, тувинцев.

Цель исследования – рассмотреть фольклорный нарратив калмыков, отражающий реалии рыболовства, выявить архаические рудименты, связанные с концептом рыбы и воды с привлечением аналогичных данных народов Южной Сибири.

Промысловый фольклор народов России неоднократно привлекал внимание как этнографов, так и фольклористов. Народы, проживающие в бассейне озера Байкал, издревле занимаются рыболовецким промыслом, что запечатлено в их фольклоре. Большой вклад в изучение фольклора Байкальского региона внесли ученые Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Образцы рыболовецкого фольклора были зафиксированы А.М. Станиловским [Станиловский 1912], В.И. Вербицким [Вербицкий 1893]. В сборник «Русский фольклор Прибайкалья» [Русский фольклор Прибайкалья 1968] вошли приметы, заговоры и обряды данного региона. В настоящее время интерес представляют работы междисциплинарного характера. К таким работам можно отнести статью В.И. Соёнова «Рыболовство на Алтае» [Соёнов 2001], где описание рыболовства начинается с археологических данных, приведены мифологические представления народа о рыболовстве, рассмотрены этнографические реалии о промысле, а также изучена рыболовецкая лексика народов Сибири.

Рыболовецкий промысел калмыков с точки зрения хозяйственно-экономической деятельности отражен в работах М.М. Батмаева [Батмаев 1993] и В.В. Батырова [Батыров 2010], этнографические и обрядовые реалии рыболовства калмыков освещены У.Д. Душаном [Душан 1973; Душан 2016], промысловая поэзия калмыков, в частности и рыболовецкая, рассмотрена Т.Г. Басанговой [Басангова 2007].

Калмыки, занимавшиеся кочевым скотоводством, в своем фольклоре сохранили рудименты культуры того времени, когда племена ойрат были еще «лесным народом» и занимались охотой и рыболовством. Наиболее древние элементы той эпохи с закодированным смыслом сохранены в калмыцком эпосе «Джангар» и мифах.

Одним из основных концептов промыслового фольклора, разумеется, является «рыба». Рыба представляет водную стихию и хтоническую символику. Эпос «Джангар» отражает инвариантные ядерные элементы анимистических воззрений калмыцкого народа и их этнических предков ойратов. К примеру, в раннем Багацохуровском цикле 1853 г. калмыцкого эпоса «Джангар» сохранился закодированный архаический мотив «рыбы поглотителя» «L110. Поглотитель» [Березкин, Дувакин], восходящий к обряду инициации. При этом инициация осмысливается как смерть и новое рождение, демонстрируя амбивалентность символа рыбы. Поглощение богатыря рыбой есть смерть, а выплевывание есть его новое рождение.

II песня Багацохуровского цикла (далее – Б.Ц.) – 34 (10) *zūn alda utu: zuryan* (11) *tebere bödün amurgin xara curaxa: altan dalayin köbödü amān angγayād āmisaxajī* (12) *kebetenei: <...>* (14) *aman angγayād xād bōljīd orkuxulāran: nastai γurban carān arsu dabxarlaqsun* (15) *tulum bōljījī xayaba: amurgin xara curxā biyēni: altan tungγülūq dalai ödön bul-* (16) *xād oröd odba* [РО БВФ СПбГУ, Calm. С. 17, 34] («Длиною в сто саженой, толщиной в шесть обхватов, огромная черная щука лежит на берегу золотого океана. Раскрыв рот тяжело дышит <...>. Когда (щука) раскрыла рот и изрыгнула свернутый из шкур трех взрослых быков *тулум*, выбросив из себя, сама огромная черная щука нырнула в прозрачно-золотой океан и скрылась». – Перевод автора статьи Д.В. Убушиевой).

В данном случае щука является «животным»-поглотителем, символизирующим Нижний мир. К тому же рыба обозначена как *amurgin xara curaxa* («огромная черная щука»), как известно щука в природе имеет пеструю окраску, в приведенном примере, черный цвет щуки усиливает ее связь с Нижним миром. Автохтонной чертой Багацохуровского цикла калмыцкого эпоса «Джангар» является четкая тождественность Нижнего мира Водному миру, что также отражает добуддийские верования ойратов – предков калмыков. Следует отметить, что Багацохуровским цикл назван в соответствии с местом записи – улусом, на территории которого в дельте реки Волги проживает часть субэтнической группы калмыков – торгоуты.

Тестем Джангара-хана является хозяин Водного мира:

II песня Б.Ц. – 5 (27) *tere tenngsīn ter* (28) *talni očirtu altan ūlatai: orčilungdu ügei oro γurban jīndmanitei* (29) *naiman mingγan lūbsarayān ezen güši zamba xāni kūken* [РО БВФ СПбГУ, Calm. С. 17, 5] («На другой стороне того моря [живущего], драгоценную золотую гору имевшего, три волшебных камня имевшего, кои больше нет во вселенной, хозяина восьми тысяч лубсурга, Гюши Замба хана дочь». – Перевод Д.В. Убушиевой).

Описание образа тестя Джангар-хана в цикле скрывает к тому же его первоначальную форму – образ мифологического дракона громовержца. Хозяин восьми тысяч *лубсурга*, Гюши Замба хан обладает тремя драго-

ценными камнями, что соответствует дракону, производящему грозу с помощью «двух камней эрдене» [Неклюдов 2019, 180]. Согласно С.Ю. Неклюдову, «В финальной фазе своей эволюции данный образ не столько трансформируется, сколько раздваивается на ‘дракона-громовержца’ (луу) и ‘духа-хозяина земных вод’ (луус → лус → лусууд)» [Неклюдов 2019, 196]. В нашем случае образ тестя Джангар-хана, претерпев трансформацию согласно процессам эволюции, сохранил, хотя и в косвенном виде, свое мифологическое начало.

Представительницами Водного мира являются и суженые Гэсэр-хана и Хунан-Кара. В бурятском улигере «Абай Гэсэр» [Абай Гэсэр 1960, 70] Гэсэр три года живет в подводном царстве тестя, владыки вод Лосона. А.А. Бадмаев, реконструировал на основе бурятских фольклорных текстов иерархию водных обитателей, где повелителем водной стихии предстает Уха Лубсан, имеющий в подчинении «державших повод коня» во время его путешествий – Ута-Характа-нойона и Уряхай-«ныряльщика», а также «лодочников» – покровителей рыболовства супругов Гохоши-нойон и Хельмеш-хатан [Бадмаев 2018, 150].

Наряду с ранними религиозными представлениями в калмыцком фольклоре большое количество напластований из буддийской мифологии. Опорой земли в буддийской мифологии является черепаха: «Земля имеет форму диска или квадрата, углы которого соответствуют 4 сторонам света, и покоится на брюхе гигантского водяного животного – черепахи или лягушки (Алтан Мелхий, “золотая лягушка”), лапы которого соответствуют сторонам света» [Неклюдов 1980, 687], именно такая модель сотворения мира отражена в калмыцком мифе об «Арахе»:

Хан тенгриев предложил: «А что если посреди этого океана сотворить Землю?» «Если сотворить Землю, будет очень хорошо», – согласились все. Бурхан Багши одно из своих воплощений обратил в черепаху и спустил в воду. Бурхан Багши выстрелил в нее сверху – черепаха опрокинулась на спину. [Так] на животе черепахи и была сотворена Земля. Когда хан *асуров* и хан *тенгриев* вдвоем спустились на землю, какой-либо жизни не было на ней – кругом царила тьма [Мифы, легенды и предания калмыков 2017, 33].

Весьма информативный и иллюстративный материал о рыбной ловле представляют сказки. В калмыцких сказках определяется реальный быт народа, связанный с рыболовством. Наиболее явно эти реалии проступают в образцах сказок, записанных от астраханских калмыков, проживавших на реке Волге, и от донских калмыков, осевших в русле реки Дон. Необходимо отметить, что анализируемые сказки зафиксированы во второй половине XIX века, сказки астраханских калмыков записаны Г. Балинтом, а образцы сказок донских калмыков зафиксированы И.И. Поповым.

Начнем с того, что в сказках рыбой зачастую питаются бедные персонажи. Здесь, на наш взгляд, наложен отпечаток исторического времени, а именно второй четверти XVIII в., когда калмыки были вынуждены занять-

ся рыболовецким промыслом, тем самым обеспечивая себя пропитанием. К тому же анализируемые образцы сказок зафиксированы на столетие позже исторических событий, тем самым они вполне органично становятся сказочными реалиями.

В калмыцком и тувинском фольклоре представлены тексты сказок, названия которых определяют род деятельности персонажа сказки, это рыболовство, соответственно сам он рыбак. К примеру, калмыцкая сказка «Заһсч» (‘Рыбак’): «Кезэнэ бээж. Нег **заһсч** залу гергтэһэн хоюрн кесг жилэс нааран негчн заһс бэрэд уга бээж» [Хальмг туульс 1961, 42] (‘Давно [это] было. Один **рыбак** и его жена много лет не могли поймать ни одной рыбы’. – Перевод Д.В. Убушиевой). Или тувинская сказка «Рыбак Багай-оол»: «В среднем же течении этой реки в чуме из древесной коры жил **бедный рыбак Багай-оол** с злой собакой в подпалинах» [Тувинские народные сказки 1994, 343].

По нашему мнению, сказочный нарратив отразил историческое трудное время в судьбах двух народов, приведшее к расслоению общества и изменению хозяйственной деятельности.

Интересное явление демонстрирует текст сказки «Хурһар заһс долж авад, уснд хайж о[r]кдг көвүнэ тууль» (‘Сказка о юноше, обменявшем ягненка на рыбу и отпустившем ее в воду’), где продемонстрировано субэтническое разделение калмыков. Образец записан И.И. Поповым в XIX веке у донских калмыков:

Хаанахн күрч ирэд, тер көвүнэс сурж бээнэ: «Му көвүн, заарта хөөнэ мах идхэр зарһа заһсна мах идх болвзач?». «Иднэв»[, – гинэ]. Хаанахн заһс татж һарһад: «Му көвүн, дурта заһсан ав». Му көвүн: «Алькин авхв?» – гинэд, ирэд хэлэж бээнэ [ГА РО] (‘Подданные хана пришли и спросили у юноши: «Юноша-сирота, **чем есть мясо мускусной овцы, может, отведаешь рыбу?**» «Отведаю»[, – ответил]. Ханские подданные, вытянув сеть: «Юноша-сирота, бери понравившуюся тебе рыбу». Юноша-сирота: «Какую же взять?» – так думая, подошел и стал рассматривать’. – Перевод Д.В. Убушиевой).

Сказкой зафиксировано данное деление калмыков на примере пищи. Торгоуты, проживающие по большей части в дельте реки Волги, или торгугуы, что расселены у побережья Каспийского моря, предпочитают зачастую мясной пище рыбную, нежели дёрвьуды, которые больше предпочитают мясную продукцию.

Другим уже иллюстративным материалом могут служить **рыболовецкие снасти**, представленные в сказках, разнообразие которых достаточно. Это удочки (‘һахуль’), сеть (‘гөлм’), невод (‘шүүгүл’), приманка (‘приманка’), железные вилы (‘серэ төмр’).

В сказке «Тарвж хан» (‘Хан Тарваджи’), записанной Г. Балинтом во второй половине XIX века от астраханских калмыков, орудием лова рыбы является удочка: «Тер эмгн өвгн хойр уснд **һахуль оркад, заһс бэрж авад**, хотан тежэһэд бээдг болна» [Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-

19th Century 2011, 240] ('Старик со старухой удочкой ловили рыбу, этим и кормились'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

В сказке «Заһсч» ('Рыбак') главный персонаж рыбак ловит рыбу, закинув сеть в реку: «Һолд күрчкэд, гөлмән хайм цацунь заһсн тордг болна. Заһсан авад, байртаһар герүрн ирнэ» [Хальмг туульс 1961, 42] ('Придя к реке, только забросил сеть, сразу поймал рыбу'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

В реальности это соответствует единоличной ловле рыбы сетью, т.е. «сеть» ('гөлм'), очевидно, была небольших размеров, которой вполне мог пользоваться один человек.

В сказке «Хурһар заһс долъж авад, уснд хайж о[р]кдг көвүнэ тууль» ('Сказка о юноше, обменявшем ягненка на рыбу и отпустившем ее в воду'), которая также зафиксирована во второй половине XIX в., но уже среди донских калмыков, продемонстрировано как само орудие лова, так и социальный статус рыбаков: «Ода хаанаһна һазр шүүгүл татн гиж аашна»[, – гинэ] [ГА РО] ('«Подданные хана идут вытаскивать невод»[, – сказал он]'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

Из примера видно, что рыбаки использовали невод для ловли рыбы, т.е. лов осуществляли артелью рыбаков, кроме того, рыбаки являются подданными хана.

Из сказочных текстов можно выявить и то, что калмыки использовали в рыбной ловле и наживку, к примеру, в сказке «Заяни залху көвүн» ('Юноша – ленивый из ленивых') [Хальмг туульс 1961, 182]: «Тул заһсн мең шүүрэд, уснас давад хагсуд өрэлцэһэн һарад ирнэ» [ГА РО] ('Рыба-таймень, хватая приманку, выпрыгнула из воды и наполовину оказалась на суше'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

В тувинском сказочном фольклоре также демонстрируются разные виды рыболовецких снастей:

Как-то рыбак Багай-оол, живший со злой собакой в подпалинах в чуме из древесной коры в среднем течении Кашпал-Кара Хема, сидел и **рыбу** удил; и в самый полдень вниз по течению этой реки проплывал сундук в плотной коже [Тувинские народные сказки 1994, 345].

В сказках также представлены различные **наименования рыб**: таймень ('тул'), щука ('цурх'), пестро-черная щука ('алг хар цурх'), карась ('шар балг'), ерш ('шөрг'), мальки ('жирмэхэ заһсн'), раки ('цаяха') и другие.

В сказке «Көгшн буурл Шатрч хан» ('Старый седой хан Шатарчи') перечисляются существа, живущие в воде, которых на берег вызывает дочь Хозяина вод ('Усун хада'):

Бас бүшкүрэн татв. Татснд уснд бээдг моһа, меклә болн заһсн хавхгт болн цая күртл – уснд бээдг хамг эмтн цуһар һарч ирж төгөлж зогсв [Хальмг туульс 1968, 24] ('Опять стала играть на дудке. Когда заиграла, в воде живущие змеи,

лягушки и рыбы, черепахи и даже раки – все существа, живущие в воде, выбрались и окружили ее'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

В сказке «[Улада баатр]» ('Богатырь Улада') также представлена ихтиофауна, знакомая калмыкам:

Түүнэһнь баавһань келв: «Увлзгин һазр хэлэж йовтлм, өргн далан көвэд нег шөрг мең менж бээж, тер шөргин меңгинь нег цурх булаһад идж бээж [Kalmuk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century... 2011, 289] ('Затем жена говорит: «Когда ходил, присматривал землю для зимней кочевки, у берега широкого океана охотился за добычей один ерш, добычу того ерша отобрала и съела одна щука'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

В калмыцких сказках часто встречается рыба «тул» ('таймень'). К примеру, в калмыцком сказочном фонде присутствует сказка на известной общемировой сюжет «К18D. По шучьему велению»: «Юноша отпустил или спас рыбу (лягушку, змею, сверхъестественное существо), она выполняет его желания, и он женится на принцессе» [Березкин, Дувакин]. Главный герой калмыцкой сказки «Заяни Залху» ('Ленивый из ленивых') встречается не с щукой, как это происходит в аналогичной русской сказке, а с рыбой таймень ('тул'). Относительно данной рыбы А.Ш. Кичиковым замечено, что «таймень – это одна из самых больших рыб, с которой сталкивались наши предки, проживавшие в бассейнах рек Орхон, Селенги, Амура, Енисея, Иртыша и озера Байкал» [Кичиков 2017, 30].

В сказке «Көгшн буурл Шатрч хан» ('Старый седой хан Шатарчи') рыба таймень ('тул') выступает переправой из Среднего мира в Верхний мир:

Һазад далад тул заһсн дөчн йисн хонгтан мөңкөһэд, гесэн цадхачкад, дөчн йисн хонгтан унтдмн. Толһань эн көвэднь, сүүлнь һазад далан телтр көвэднь. Тер цагла эмтн деегүрнь йовад, һазад далад йовад бээдмн. Улгүрнь келхлэ, чи бас тиигэд һатлхч. Тиигэд Нарнд күрхч [Хальмг туульс 1968, 21–22] ('Во внешнем океане живущая рыба-таймень сорок девять суток лежит неподвижно, насытившись, сорок девять суток спит. Голова ее на этом берегу, а хвост на противоположном берегу внешнего океана. В это время люди ходят по ней, переходя внешний океан. К примеру, ты тоже так же переправишься. Так доберешься до Солнца'. – Перевод Д.В. Убушиевой).

Сказочные тексты насыщены лексемами, отражающими водные реалии: океан ('дала'), моря ('теңгс'), реки ('һол'), озера ('нур'), берег ('эрг'), волна ('долган'), ('ус үрх'), усна эргин көвэхэр ('вдоль берега реки'), дно моря ('теңгсин йорал'), плавать ('өөмх'), переправа ('һатлһн'), судно, корабль ('керм') отлив ('усн хооран татхла'), мелеть ('хээрдх') и другие. Приведем примеры только специфичных выражений, выявленных нами в волшебных сказках калмыков.

Сказка «Мергн көвүн Царкин хан хойр» («Юноша-стрелок и Царкин хан») насыщена такой лексикой:

Хурвн шар толхата хун, хун кевэн **усна көвэд** оркад, хурвн сээхн күүкн болад, **уснд орж өөмв** [Записки Восточного Отделения 1891] («Три желтоголовых лебедя, лебединое оперение свое **на берегу оставив**, в трех красивых девушек превратившись, **вошли в воду и стали плавать**». – Перевод Б.Б. Горяевой).

Нарн шингх үзгт **Һанһ мүрн дала** цавчн цаһан эргд кичгтэ эм барс бээдг [Записки Восточного Отделения 1891] («В стороне захода солнца на белом отвесном **берегу реки Ганг** живет тигрица с тигрятами». – Перевод Б.Б. Горяевой).

Теңгс көвэлэд, нег сар болад, **тоорлһ һатлһд** күрч ирв [Записки Восточного Отделения 1891] («Шел он **по берегу моря**, месяц прошел, пришел к **переправе**». – Перевод Б.Б. Горяевой).

Көвүн түүнэсн амрад, гүүхдэн гүүһэд, йовднхдан йовдннад, кесг өдр сөөни кемжл уга гүүж йовтлнь, нег **көдлц теңгс** харһад ирв. «Саак **теңгсин тоорлһ** ода сара һазр биший?» – гиж, **теңгс көвэлэд** йовж йовтлнь, нег **ик кермд** нег бух церг орад һатлн гиж бээслэ көвүн харһад ирв [Записки Восточного Отделения 1891] («После этого юноша, отдохнув, где бежать, бежал, где идти, шел, много дней и ночей без счета бежал, повстречалось ему **волнующееся море**. «Разве до **переправы этого моря** не месяц пути?» – подумав, когда шел по берегу моря, юноша встретился с войском, которое погрузилось на **большое судно** и уже было отправилось». – Перевод Б.Б. Горяевой).

Сказка «[Улада баатр]» («Богатырь Улада»), записанная от астраханских калмыков, также демонстрирует прямое отношение к рыболовному промыслу, проявляющееся в специфической лексике:

Түүнэсн Улада баатр баавһадан ирэд келв. Тиигхлэнь, баавһань келв: «Тернь үнн, ода та йовтн, **далад** одад, **эргинь** гүвдэд бээтн, түүнэсн **тул захсн таниг ус орулад көөх**, тер цагт мөрнтн хурдн болхла, күцгдл уга, **усн хооран татхла, тул хээрдэд йовж чадх уга**. Тер цагт эврэн медтн», – гив. [Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century... 2011, 289] («Богатырь Улада, вернувшись домой, рассказал все жене, тогда жена говорит: «Это правда, вы теперь отправляйтесь к **океану** и бейте берег океана, оттуда [**выплывет**] **таймень** и **будет гоняться за вами по воде**, в тот момент, если ваша лошадь будет быстра, не дайте себя догнать, когда **начнется отлив**, **таймень не сможет двигаться**, [**попав**] **на мелководье**. Тогда уж действуйте сами», – сказала». – Перевод Д.В. Убушиевой).

Нами обнаружен единичный случай в волшебной сказке донских калмыков «Хурһар захс дольж авад, уснд хайж о[r]кдг көвүнэ тууль» («Сказка о юноше, обменявшем ягненка на рыбу и отпустившем ее в воду»), где упоминается внутренность рыбы, такая как рыбий пузырь:

Нег көгшн оч көвүнд келв: «Хан мини: “Ачга, туста ах нойн баав, ю авнат?” – гиж келхлэ, – “Нанд алтн, мөңгн керг уга, эдл мал керг уга. Мөн тер орн деерк

хар шуһул дахан өгнт?” – гиж келтн. Тиигж хурв дэжж гиич-хүрм, наад-нэр кеһэд, хурвдад: “Ю авнат?” – гиж сурх хурвладни, тер **шуһул дах** тусар, юм бичэ суртн», – хурвдад тер көгшн эмгн тиигэд дасхад окна [ГА РО] («К юноше подошла одна старуха и сказала: «Когда мой хан скажет: “Достойный благодарности глубокочтимый баава, что возьмете?” – “Мне не нужно ни золота, ни серебра, скот тоже не нужен. Отдадите ли мне ту черную **доху из рыбьего пузыря**, что лежит на кровати?” – так скажите. Трижды пир устроив, в третий раз спросит: “Что возьмете?”, все три раза ничего не просите, кроме той **дохи из рыбьего пузыря**», – трижды повторив, наказала та старуха». – Перевод Д.В. Убушиевой).

Сказки содержат иносказательные выражения, чаще они применяются в том случае, когда нужно дать невыполнимое задание. Нами выявлены примеры в калмыцких сказках, где в разгадках этих трудных заданий фигурируют предметы, связанные с рыбной ловлей. К примеру, в сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») хан дает, казалось бы, невыполнимые задания:

– Та, өвгн, маңһ[д]уртан **хувцгачн бичэ иртн, хувцн угачн бичэ иртн**, мөртэчн бичэ иртн, мөрн угачн бичэ иртн, хаалһарчн бичэ йовтн, хаалһин хэврһэрчн бичэ йовтн, гертмчн бичэ ортн, һазамчн бичэ бээтн! – гиһэд ик цухлһаһар келдг болна [Цецн күүкн 2017, 91] («– Старик, завтра [ко мне] **в одежде не приходите, но и без одежды не приходите**, на коне не приезжайте, но и без коня не приезжайте, по дороге не езжайте, но и по обочине не езжайте, в дом мой не входите, но и на улице не оставайтесь! – очень раздраженно сказал». – Перевод Т.А. Михалевой).

На помощь старику приходит мудрая девушка, подсказывающая, что нужно надеть, чтобы не быть голым, но и не одетым, роль несуществующей одежды играет рыболовецкая сеть:

– Аав, хувцан тээлчкн. Эн захс шүүдг шүүгүлиг деерэн бүркэд, эн яман деер унж автн. [Ямана] хойр көлнь хаалһар йовтха, хойр көлнь хаалһин хэврһэр йовтха. Тенд күрэд, гертнь бичэ ортн, термин ард терм ишкэ хойрин заагт орад сууһад, хаанла мендлгн [Цецн күүкн 2017, 92] («– **Аава**, разделитесь. **Набросьте на себя эту рыболовную сеть** и садитесь на эту козу. Две ноги [козы] пусть по дороге идут, две ноги – по обочине. Когда туда приедете, в дом к нему не входите, за стеной решеткой, между стеной решеткой и войлоком, сядьте и поздоровайтесь с ханом». – Перевод Т.А. Михалевой).

В сказке «Көгшн буурл Шатрч хан» («Старый седой хан Шатарчи») в иносказательном выражении представлено такое орудие лова, как «железные вилы» («серэ төмр», по всей видимости, имеется в виду острога), более того, описано их предназначение:

Хорвдгчинь тэвжэнэ. Наадад ирв. Дэкэд көвүг мадлад ирв. «Көвүн, чамаг би чичмү» [, – гижэнэ]. «Чичхин хорвн зү гиж келдг: шор кеж авад, боорцг чичж

хорһнась авдг, **серэ төмр кеж авад, далад оад, заһс чичж амна** гидг. Шүүгдсн му хааг би чичмү», – гижэнэ. [Хальмг туульс 1968, 23] («В третий раз расставили фигуры. Стали играть. Снова [хан] объявил юноше мат. «Юноша, я тебя проткнул» [, – сказал]. «Три [вида] бывает того, что протыкают, говорят: заострив палочку, ею прокалывают *борцоки*, вынимая их из жира, сделал **железные вилы, отправляются к морю и прокалывают ими рыбу**. Проигравшего глупого хана я проткну!» – сказал [юноша]». – Перевод Д.В. Убушиевой).

Особенно ярко бытовую сторону жизни демонстрируют загадки, где так же в иносказательной форме представляются знакомые предметы с необычной стороны. Калмыцкие загадки не обошли вниманием и промысловый быт, в частности учеными записаны загадки калмыков содержащие специфическую терминологию.

Тарвһни арсн
Таң уга салврж.
(Шүүгүл).

Шкурка тарбагана
Растрепалась до дыр.
(Сеть).
[Пословицы, поговорки и загадки... 2007, 689].

Йовв, йовв мөр уга,
Хатхв, хатхв цусн уга.
(Оңһи).

Ходит, ходит – нет следа,
Колет, колет – нет крови.
(Лодка).
[Пословицы, поговорки и загадки... 2007, 695].

Көл уга бээж йовдг,
Күзүн уга бээж бухдг.
(Оңһи).

Без ног, а ходит,
Без шеи, а ныряет.
(Лодка).
[Пословицы, поговорки и загадки... 2007, 696].

Күзүн уга темән Күм һатлж.
(Оңһи).

Верблюды без шеи переправился через речку Куму.
(Лодка).
[Пословицы, поговорки и загадки... 2007, 696].

У калмыков существует и промысловая обрядность. Т.Г. Басангова отмечает, что «фольклорная традиция калмыков сохранила заговоры, магические формулы, песни характерные для промысловых обрядов, которые прагматически маркированы, то есть выражают приказание или просьбу, мольбу или обещание, пожелание или угрозу» [Басангова 2007, 448].

Весьма ценные сведения о рыбной ловле зафиксированы У.Д. Душаном. Им описаны несколько поверий. Первое поверье: «...если в лодку впрыгнет рыба из хищных пород, например: окунь, щука, судак, то это дурная примета, которая предвещает большое несчастье» [Душан 2016, 198], в этом случае следовало провести ритуал («попавшую в лодку рыбу обычно разрезают на четыре части и бросают на север, юг, восток и запад» [Душан 2016, 198]), сопровождавшийся вербальным компонентом – заклинанием: «Пусть обратятся на нее саму, исчезнут с ее гибелью и рассеются повсюду» [Душан 2016, 198].

Следующее поверье связано с тем, будет ли улов хорошим: «...когда калмыки едят рыбу, особенно из крупных пород, например, сазана, то они подъязычную кость концом прикрепляют к тагану. Если кость сразу удержится и не падает, то калмыки полагают, что будет много рыб» [Душан 2016, 199].

Также существовало поверье, что «сазан бывает очень недоволен, если голову его едят женщины. Он якобы говорит: “Хотя губите мою душу, но золотой рот мой не давайте женщинам”. Если не соблюсти это желание сазана, то, по мнению калмыков, душа сазана страшно обидится, и эта обида передается другим живым сазанам. Вследствие этого лов ухудшается» [Душан 2016, 200].

У.Д. Душаном описан обряд жертвоприношения царю воды, бытовавший у приволжских и прикаспийских калмыков и заключавшийся в следующем:

«Жертвоприношение бывает весной или осенью, перед самым началом пути, для умилостивления царя воды – баян ухан хана, чтобы был хороший улов. Обычно жертвенным животным является коза белой или серой шерсти и редко – другие животные. Козы режутся с таким расчетом, чтобы со шкурой осталась верхняя половина головы, сердце, печень, легкие и почки. В отделанную козу (в голову) втыкают шест и вбивают его в середине реки, озера или на взморье. Причем шкура со всеми вышеуказанными органами свисает вниз. Голова направляется своей передней частью в ту сторону, откуда должна быть рыба. На одном рогу привязывают *целен*, шелковую нитку. В то же время каждый присутствующий зажигает лампадку, приготовленную из теста. <...> Их все ставят на плот, приготовленный из досок или камыша, а потом пускают по Волге или морю. Причем, кроме лампад, еще здесь кладутся деньги, кто сколько может. Жертвоприношением обычно

руководят гелюны, которые своими молитвами ходатайствуют перед царем воды о хорошем лове» [Душан 2016, 350–351].

М.Н. Хангалов пишет о совершении религиозных обрядов на реке: «Осенью и весной, когда буряты переезжают с летников на зимники и с зимников на летники, они начинают брызгать тарасун и вино целыми обществами и поодиночке на реке Ухан-хату <...> чтобы Ухан-хат даровал им обильный лов рыбы и не было бы несчастий с людьми во время рыбной ловли» [Хангалов 2004, 105].

Э.П. Бакаева, анализируя элементы обряда продления жизни, совершаемого калмыками «ежегодно поздно вечером в день “Хозяина года”, совпадающий с днем зимнего солнцестояния» [Бакаева 2009, 4], приходит к выводу, что вылепленная из теста удлиненная лампадка – оңһц зул (‘лодка-лампадка’) – является сакральным кодом культуры калмыков, восходит к ранним верованиям и относится к временам «водяных» монголов, которые «в XIII в. проживали к востоку от “степных” монголов, занимавшихся скотоводством, и занимались рыбной ловлей и охотой» [Бакаева 2009, 4].

Фольклорный нарратив, сохранивший следы рыболовства, свидетельствует о том, что калмыки издревле были знакомы с рыбной ловлей. Эпос «Джангар» и калмыцкие мифы, сохранившие такие основные концепты, как рыба и вода, а также сакральные коды культуры, отражают картину мира этноса еще со времен “лесных народов”, что говорит о трансграничном и межкультурном взаимодействии ойратов с народами Южной Сибири. В жанре сказки нами рассмотрены образцы, записанные во второй половине XIX в. от представителей астраханских и донских калмыков, проживавших по берегам рек Волги и Дона. Отдельные тексты сказок настолько реалистично представляют рыболовецкий промысел калмыков, что наталкивают на мысль о том, что неизвестный сказитель сам мог быть рыбаком. Особенно, на наш взгляд, это выражается в тонких иносказательных выражениях, включенных в канву сказочного сюжета. Таким образом, фольклор калмыков содержит прямые и косвенные свидетельства о рыболовстве у калмыков и их предков ойратов, которое в зависимости от исторического времени было как одним из основных видов пропитания, так и вспомогательным хозяйствованием.

ИСТОЧНИКИ

1. Абай Гэсэр / вступ. статья, подготовка текста, пер. и коммент. А.И. Уланов. Улан-Удэ, 1960.
2. ГА РО – Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13805.
3. Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. VI. СПб., 1892. С 17–48.
4. Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь Т.Г. Басанговой, Т.А. Михалевой. М., 2017.

5. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., перевод Б.Х. Тодаевой. Элиста, 2007.

6. Рукописный отдел Библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. *Calm*. С. 17. Ед. хр. 1770. Л. 1–28. Строки 30–31. (Рукопись на ойратском языке).

7. Тувинские народные сказки / сост. З.Б. Самдан. Новосибирск, 1994.

8. Хальмг туульс. I боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев. Элиста, 1961.

9. Хальмг туульс. II боть / сост. А.Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Элиста, 1968.

10. Цецн күүкн // Теегин герл (Свет в степи). 2017. № 2. С. 90–95.

11. *Kalmyk Folklore and Folk Culture in the mid-19th Century. Philological Studies on the Basis of Gabor Balint of Szentkatolna's Kalmyk Texts* / Ed. by A. Birtalan with the collaboration of Tamara Gorjajevna Basangova (Bordzanova) and with the assistance of Baira Basangovna Gorjajeva. Budapest, 2011.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаев А.А. Подводный мир в традиционном мировоззрении бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 3. С. 148–155.

2. Бакаева Э.П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста, 2009.

3. Басангова Т.Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста, 2007.

4. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста, 1993.

5. Батыров В.В. Рыболовный промысел. Отходничество // Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская. М., 2010. С. 105–111.

6. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 20.12.2019).

7. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М., 1972.

8. Вербицкий В.И. Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алтайск. миссионера, протоиер. В.И. Вербицкого / под ред. А.А. Ивановского. М., 1893.

9. Душан У.Д. Избранные труды / сост. Батыров В.В., Шараева Т.И. Элиста, 2016.

10. Душан У.Д. Историко-этнографические заметки об Эркетеневском улусе Калмыцкой АССР // Этнографические вести. 1973. № 3. С. 31–107.

11. Кичиков А.Ш. Угин туск уг (Слово о словах) / подг. текстов, сост., ред. Б.А. Кичикова. Элиста, 2017.

12. Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1980. С. 684–688.

13. Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М., 2019.

14. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953.

15. Русский фольклор Прибайкалья / общ. ред. и вступ. статья Л.Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1968.

16. Санчиров В.П. О материальной культуре ойратов XIII–XVII веков // Мон-

головедеие. 2003. № 2. С. 203–210.

17. Соёнов В.И. Рыболовство на Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Межвузовский сборник научных трудов. № 6. Горно-Алтайск, 2001. С. 16–32.

18. Станиловский А.М. Байкал (раздел «Рыба и рыболовство») // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. Иркутск, 1912. № 7. С. 44–68.

19. Хангалов М.Н. Рыболовство у бурят и ухан-хат / под ред. Г.Н. Румянцев. Улан-Удэ, 2004.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Badmayev A.A. Podvodnyy mir v traditsionnom mirovozzrenii buryat [The Underwater World in the Traditional Buryat Worldview]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, no. 3, pp. 148–155. (In Russian).

2. Dushan U.D. Istoriko-etnograficheskiye zametki ob Erketenevskom uluse Kalmytskoy ASSR [Erketenevsky Ulus of the Kalmyk ASSR: The Historical and Ethnographic Notes]. *Etnograficheskiye vesti*, 1973, no. 3, pp. 31–107. (In Russian).

3. Sanchirov V.P. O material'noy kul'ture oyratov XIII–XVII vekov [The Oirat Material Culture: the 13th – 17th Centuries]. *Mongolovedeniye*, 2003, no. 2, pp. 203–210. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Batyrov V.V. Rybolovnyy promysel. Otkhodnichestvo [Fishery. Seasonal Works]. *Bakayeva E.P., Zhukovskaya N.L. (eds.). Kalmyki* [The Kalmyks]. Moscow, 2010, pp. 105–111. (In Russian).

5. Neklyudov S.Yu. Mongol'skikh narodov mifologiya [The Mythology of the Mongolic Peoples]. *Tokarev S.A. (ed.). Mify narodov mira: Entsiklopediya* [The Myths of the World: Encyclopedia]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 1980, pp. 684–688 (In Russian).

6. Soyenov V.I. Rybolovstvo na Altaye [The Fishery in the Altai Region]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [The Antiquities of the Altai: Archaeology Research Laboratory Reports]. Issue 6. Gorno-Altaysk, 2001, pp. 16–32. (In Russian).

7. Stanilovskiy A.M. Baykal (razdel “Ryba i rybolovstvo”) [Baikal (Section ‘Fish and Fishery’)]. *Trudy Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [The Proceedings of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Irkutsk, 1912, no. 7, pp. 44–68. (In Russian).

(Monographs)

8. Bakayeva E.P. *Sakral'nyye kody kul'tury kalmykov* [The Sacred Codes of the Kalmyk Culture]. Elista, 2009. (In Russian).

9. Basangova T.G. *Obryadovaya poeziya kalmykov (sistema zhanrov, poetika)* [The Kalmyk Ceremonial Poetry: Genre System, Poetics]. Elista, 2007. (In Russian).

10. Batmayev M.M. *Kalmyki v XVII–XVIII vekakh. Sobytiya, lyudi, byt* [The Kalmyks in the 17th – 18th Centuries: Events, People, Everyday Life]. Elista, 1993. (In

Russian).

11. Dushan U.D. *Izbrannyye trudy* [The Selected Works]. Elista, 2016. (In Russian).

12. Eliasov L.E. (ed.). *Russkiy fol'klor Pribaykal'ya* [The Russian Folklore of Cis-Baikalia]. Ulan-Ude, 1968. (In Russian).

13. Khangalov M.N. *Rybolovstvo u buryat i ukhan-khat* [Fishery among the Buryats and the Uriankhais]. Ulan-Ude, 2004. (In Russian).

14. Kichikov A.Sh. *Ügin tusk üg (Slovo o slovakh)* [A Word about the Words]. Elista, 2017. (In Russian).

15. Neklyudov S.Yu. *Fol'klornyy landshaft Mongolii. Mif i obryad* [The Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Rite]. Moscow, 2019. (In Russian).

16. Potapov L.P. *Ocherki po istorii altaytsev* [The Altaians: Historical Essays]. Moscow; Leningrad, 1953. (In Russian).

17. Vaynshteyn S.I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev. Problemy kochevogo khozyaystva* [The Tuvan Historical Ethnography: Nomadic Economy]. Moscow, 1972. (In Russian).

18. Verbitskiy V.I. *Altayskiye inorodtsy* [Non-Russian Populations of the Altai]. Moscow, 1893. (In Russian).

(Electronic Resources)

19. Berezkin Yu.E., Duvakin E.N. Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredeleniye fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam. Analiticheskiy katalog [The Thematic Classification and Territorial Distribution of the Folklore-related Mythological Motifs. An Analytical Catalog]. *Fol'klor i post-fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika*. [Folklore and Post-Folklore: Structure, Typology, Semiotics]. Available at: URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed 20.12.2019). (In Russian).

Убушиева Данара Владимировна, Калмыцкий научный центр Российской академии наук.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии. Научные интересы: фольклор монгоязычных народов, монгольская эпическая традиция, типология и поэтика эпоса.

E-mail: bib.danara@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5547-4006

Danara V. Ubushieva, Kalmyk Scientific Center of the RAS.

Candidate of Philology, Senior Research Associate, Department of Mongolian Philology. Research interests: folklore of the Mongolian people, Mongolian epic tradition, typology and poetics of the epos.

E-mail: bib.danara@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-5547-4006